

Три дня спустя Хуа Ию всё ещё нежился в постели. Даже шум, доносившийся снаружи, не мог поколебать его решимости выпастись как следует.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, в комнату ворвалась толпа людей. Хуа Ию в испуге проснулся, ословело открыл глаза и пробормотал:

— Вы... вы что творите!

Управляющий Гао ответил:

— Ванфэй, неужели вы забыли? Сегодня день вашей свадьбы с нашим князем.

Хуа Ию остолбенел. С того самого памятного дня он наивно полагал, что сможет спокойно прожить дома целый месяц, и совершенно не принял всерьез трехдневный срок. Он поднял взгляд на отца, стоявшего за дверью, но тот лишь покачал головой и поспешно удалился.

— Я никуда не поеду! Я сказал, что восьмого числа следующего месяца — значит, восьмого. Идите и доложите своему князю, — выпалил он, рухнул обратно на подушки и собрался было досматривать сны, но...

— В таком случае, Ванфэй, не обессудьте за грубость, — склонился управляющий Гао. — Эй, вы! Помогите Ванфэй переодеться.

— Да как вы смеете! Даже если я не признаю этот титул, я всё ещё сын Шаншу! — не успел он договорить, как несколько дюжих служанок силой прижали его к кровати и облачили в свадебные одежды.

Хуа Ию отчаянно сопротивлялся:

— Ваш князь знает, что вы творите? Вы так обращаетесь с будущим Ванфэй, головы на плечах не жалко?

Управляющий Гао сделал шаг вперед. Его поза была подобострастной, но в голосе не чувствовалось ни капли страха:

— Таков приказ самого князя, Ванфэй. Не вините нас.

— Вы... вы у меня еще дождетесь!

Управляющий Гао не обратил на это внимания:

— Проводите Ванфэй к паланкину.

Несколько стражников поволокли накрепко связанного Хуа Ию к выходу из поместья.

На улицах города горожане выстроились в два ряда, царило необычайное оживление. Лэн Цзилинь, облаченный в ярко-красные одежды, ехал на вороном коне. Его облик был подчеркнуто холодным, а в глазах читалось полное безразличие.

Когда стражники пронесли Хуа Ию мимо Лэн Цзилиня, тот не выдержал:

— С виду человек, а творит такую дичь! Гнилой князь... — договорить он не успел, как стражники грубо втолкнули его в паланкин.

Горожане, никогда не видевшие подобного зрелища — чтобы прославленный воин, князь Ночи, брал в жены мужчину, который к тому же отчаянно сопротивляется и связан по рукам и ногам, — лишь перешептывались, не смея обсуждать это вслух.

Лэн Цзилинь бросил на паланкин равнодушный взгляд, натянул поводья, пришпорил коня и, коротко бросив «Но!», повел пышную свадебную процессию к княжеской резиденции.

У ворот резиденции Лэн Цзилинь спешил и стал ждать, пока стражники вынесут Хуа Ию из паланкина. Сваха, следовавшая за ними, всю жизнь занималась своим ремеслом, но еще ни разу не видела, чтобы жениха вносили в дом связанным, как преступника.

Лэн Цзилинь подошел к Хуа Ию и холодно произнес:

— Внутри ждут император и вдовствующая императрица. Если хочешь предстать перед ними в таком виде — я не стану мешать, но тогда жизнь десятков людей из поместья Шаншу окажется под угрозой.

Хуа Ию пришел в ярость:

— По-твоему, я сам этого хотел? Это вы меня связали! Или я сам себя скрутил? Если бы вы заранее сказали, что приедут император и императрица, я бы давно сам сел в этот паланкин!

Лэн Цзилинь посмотрел на Хуа Ию — его изящное личико покраснело от гнева.

— Чего уставился? Развязывай давай! — рявкнул Хуа Ию.

Лэн Цзилинь подошел ближе и легким движением пальцев дернул за узлы — веревки, казавшиеся такими надежными, мгновенно лопнули и упали на землю.

— Вот и будь послушным.

Лэн Цзилинь не стал больше ничего говорить и зашагал к парадному залу. Хуа Ию ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

В резиденции собралось немало чиновников. Видя двух мужчин в красных свадебных нарядах,

они невольно вздыхали: князь Ночи, прошедший через кровавые битвы, удостоился от императора такой «милости» — это воистину прискорбно, ведь теперь его род прервется.

Когда Лэн Цзилинь и Хуа Ию вошли в зал, они поклонились сидевшим на почетных местах императору и вдовствующей императрице. Церемониймейстер, увидев, что новобрачные на месте, начал обряд:

— Поклон Небу и Земле! — они медленно опустились на колени и коснулись лбами пола.

— Поклон государю и родителям!

— Поклон друг другу!

— В опочивальню!

— Обряд завершен! — провозгласил церемониймейстер и удалился. Хуа Ию под руки увели в главные покои.

Император, глядя на Лэн Цзилиня, произнес:

— Ты слыл человеком, приносящим смерть своим женам, в столице об этом знают все. Найти тебе супругу — задача не из легких. Я не мог допустить, чтобы ты остался в одиночестве до конца своих дней, поэтому придумал такой выход. Не вини меня, князь.

— Я тронут вашей заботой, государь, как я могу винить вас?

— Вот и хорошо, вот и хорошо. Я боялся, что, желая сделать как лучше, лишь вызову твой гнев.

— Я недостоин такого внимания, государь.

Вдовствующая императрица, сидевшая рядом, слушала их разговор и размышляла. Она не вмешивалась в государственные дела, но понимала, насколько коварен этот план императора — лишить князя Ночи потомства. Однако сказать что-либо она не могла, поэтому лишь плотнее сомкнула губы.

— Раз обряд завершен, мы с вдовствующей императрицей откланяемся.

— Счастливого пути, государь, вдовствующая императрица! — весь двор пал ниц, провожая их.

Как только высокие гости ушли, Лэн Цзилинь обратился к собравшимся:

— Мы все здесь коллеги, так что чувствуйте себя как дома. Я неважно себя чувствую, поэтому не стану предлагать вам вина.

Министры и чиновники лишь кивали. Они не знали, уйти им или остаться, поэтому предпочли сесть за столы, чтобы перекинуться парой фраз с коллегами.

Лэн Цзилинь направился в главные покои. Открыв дверь, он увидел, что Хуа Ию уже сбросил свадебное облачение, остался в нижнем халате и, сидя на стуле, увлеченно грыз куриную ножку. Зрелище было донельзя неотесанным.

— Что, проголодался за день? Неужели в княжеской резиденции не нашлось ничего съедобного? — Хуа Ию посмотрел на застывшего в дверях Лэн Цзилиня. — Ешь давай, а то болтаешь много.

— Пф, поганый князь... Насильно притащил меня сюда, даже воды не дал попить, чуть с голоду не помер! — проворчал он и снова вгрызся в курицу.

Лицо Лэн Цзилиня, и без того суровое, помрачнело:

— Если бы ты был послушным, тебе не пришлось бы страдать.

Хуа Ию в ответ лишь фыркнул, не желая продолжать спор. Живот предательски урчал, и сейчас наполнить его было куда важнее, чем спорить с каким-то князем.

— Сегодня ночуй здесь, а завтра переедешь в павильон Ванси на заднем дворе, — бросил Лэн Цзилинь и вышел, направляясь в кабинет.

— Да больно надо мне твое покосившееся здание! Перееду, подумаешь! — Хуа Ию с остервенением откусил последний кусок курицы.

Поев, он лег в кровать и, размышляя о будущем, незаметно уснул.

В поместье Шаншу глава семейства тяжело вздохнул. Он-то знал своего старшего сына лучше всех — это был сущий ходячий хаос. Станет ли его жизнь в княжеской резиденции благословением или проклятием, было неизвестно.

Тем временем Лэн Цзилинь, сидя в кабинете, читал секретное донесение. Его брови сошлись на переносице: император явно замышляет ослабить его военную мощь. То, чего следовало ожидать, свершилось. Император был мелочен и давно видел в нем бельмо на глазу, но, опасаясь его боевых заслуг, не мог действовать открыто, а лишь строил козни исподтишка. Лэн Цзилинь тяжело вздохнул и отложил бумаги.

— Янь Цзин.

Из темноты возник человек в черном:

— Я здесь.

— Выясни, что обсуждал император с генералом Ся во время своего тайного визита. Если потребуется — генерал Ся не должен остаться в живых. Свободен.

— Слушаюсь.

Янь Цзин исчез в ночной мгле.

<http://bllate.org/book/18640/1795091>